

РАССКАЗЫ ОБ ОМСКОМ МУЗЕЕ

Наша газета уже сообщала, что начата подготовка к весьма знаменательному для города и области событию — столетию с момента основания Омского краеведческого музея. Сегодня мы начинаем публиковать документальный очерк журналиста Александра Лейфера, посвященный предстоящему юбилею.

1. НАЧАЛО

МНОГО лет назад по Сибири ездил американский журналист. Побывал он и в Омске — бродил по его мощным улицам, смотрел на уже поднадоевшие за время путешествия церковные купола, с иронией отметил, что самое живописное в городе здание — это полицейское управление. Омские впечатления уместились потом на двух книжных страницах, в конце которых сказано: «В Омске мы нашли для себя мало интересного, кроме маленького музея в помещении Географического общества, доступ в который открыл нам полковник Певцов...» Сегодня, разумеется, невозможно представить, о чем беседовали тогда, в 1885 году, Джордж Кеннан, собиравший материал для своей шумевшей впоследствии книги «Сибирь и ссылка», и Михаил Васильевич Певцов — географ и путешественник. Но можно с уверенностью предположить, о чем Певцов (чьмя поставлено теперь рядом с именем Пржевальского), будучи человеком скромнейшим, не сказал американскому гостю — о своей роли в основании музея.

А дело обстояло так. Еще в 1877 году, вернувшись из путешествия по Северо-Западному Китаю, Певцов предложил часть собранных там богатых коллекций растительных и животных видов, минералов и горных пород не отсылать в Петербург, а «оставить для учреждения в Омске музея». «Для этого же музея, — развивал в отчете свою заветную мысль Певцов, — с большим удовольствием мог бы предложить небольшую, но весьма хорошую, уже совершенно готовую минералогическую коллекцию, составленную мною исключительно из Западно-Сибирских пород и минералов...».

Коллеги Певцова по только что организованному Западно-Сибирскому отделу Русского географического общества горячо поддержали его идею, и на будущий год музей был создан. В его фонды начали безвозмездно поступать экспонаты от ученых Н. М. Ядринцева, И. Я. Слоцова, Г. Н. Потанина.

Сам же Певцов относился к музею, как к любимому дитя. Он не только делился с ним собранным в экспедициях, но и не чурался любой черновой работы по его благоустройству. Биограф Певцова С. А. Огурцов разыскал, например, в Омском госархиве доку-

мент, рассказывающий о том, что Михаил Васильевич специально для музейных нужд выучился нелегкому искусству изготовления чучел птиц.

Так начинал свою долгую жизнь Омский краеведческий...

ГОВОРЯ о деятельности музея в дореволюционные годы, не нужно забывать того, что существовал он не как самостоятельное учреждение, а при Географическом обществе. И если бы в Западно-Сибирском отделе общества царил дух академизма и стремление уйти от окружающей жизни в чистую науку, музей мог бы стать лишь некоей вспомогательной научной единицей. Мог бы, но не стал. Не случайно наш земляк — видный советский дипломат И. М. Майский — подчеркивает в своих мемуарах, что Географическое общество было в старом Омске средоточием передовой интеллигенции, что само существование общества в душной военно-чиновничьей атмосфере города было подобно огоньку надежды. И совершенно прав профессор Д. Н. Филалов, особо подчеркнувший в дни недавнего столетнего юбилея омских географов: «Музей был тем звеном, которое постоянно связывало Отдел с широкими массами населения» («Омская правда», 21 апреля 1977 г.)

Музей ютился в непригодных помещениях, но как только появлялась малейшая возможность, — он был открыт для посетителей. Это не была посещаемость в нашем понимании. (Помните: судя по словам Кеннана, без Певцова он бы в музей вообще не попал.) Двери открывались перед публикой лишь в праздничные, а иногда и в воскресные дни от 12 до 2 часов. Посетителей

было немного — всего 34 тысячи за все дореволюционное время. Но, должно быть, они были очень дороги хранителям музея, иначе ими не была бы составлена в 1911 году специальная таблица «Посещаемость музея». Вот цифры наиболее «урожайного» на посещения 1904 предреволюционного года: всего 7.435 человек, из них учащих — 412 мальчиков и 178 девочек, 3.818 крестьян мужского пола и 325 женского, чиновников и других сословий — 2.474 мужчины и 142 женщины, а также 86 нижних чинов. Значит, принимая посетителей, сотрудники музея интересовались их социальным положением — им небезынтересно было, кто приходит приобщиться к знанию. (Кстати сказать, сотрудники эти были добровольными, а посещения бесплатными).

Эта же таблица объясняет, почему в некоторые годы музей был вообще закрыт для посетителей. Причины разные — из-за ремонта, из-за тесноты помещения, по случаю перехода в собственное здание (1896 год). Относительно же 1906 года сказано — «ввиду тревожного времени». В это действительно тревожное время первой русской революции в здании Западно-Сибирского отдела Географического общества по соседству с музейными экспозициями проходили митинги и собрания, звучали призывы к свержению самодержавия, раздавалось пение «Марсельезы». После разгона полицией одного из таких митингов генерал-губернатор Сухотин жаловался в Петербург вице-президенту Географического общества П. П. Семенову (впоследствии — Тянь-Шанскому), что участники митингов пользуются покровительством «заведующего Отдела».

ТАК жил музей до 1917 года. Заканчивая рассказ об этом периоде его жизни, стоит назвать имена людей, обогативших его фонды в те годы. Это местные исследователи — А. М. Никольский, Н. П. Григоровский, Г. Г. Анзимиров, М. А. Шестаков, С. Т. Мирошниценко, Г. Н. Катапов, а позже — А. Н. Седельников, М. М. Сиязов, А. Е. Новоселов, И. Н. Шухов. Крайний Север и пустыни Центральной Азии, приполярный Урал и Алтай — вот места, откуда привозили в музей экспонаты эти исследователи. А обработкой материалов занимались и гости — такие крупные ученые, как академики Л. С. Берг, В. А. Обручев, П. Н. Савицкий, П. П. Сушкин, М. А. Мензбир и другие. Стоит еще сказать и о том, что музей участвовал в различных выставках — например, местной (1911 года), Нижегородской, Парижской.

Обо всем этом помнит старое деревянное здание, стоящее на улице, до сих пор справедливо называемое Музейной.

А. ЛЕЙФЕР.

НА СНИМКЕ: основатель Омского краеведческого музея М. В. Певцов. Фото 1884 года.

2. ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Я ОКАЗАЛСЯ сторожем вновь организованного городского музея. Я был хранителем великой красоты, южной яркости красок, совершеннейших форм, выплывавших из белого мрамора, спокойных и уверенных достижений науки. Точно костер, замкнувшись в стенах, фантастически пылал среди большого оборванного и голодного города. Я был приставлен к этому костру и был по-своему счастлив».

Это цитата из приключенческой повести писателя-сибиряка Максимилиана Кравцова «Ассирийская рукопись». Действие повести происходит в музее только что освобожденного от колчаковцев города. Авантюрист и преступник ищет в музейных фондах случайно попавшую туда древнюю рукопись, которую намерен потом продать за большие деньги в Англию. С ним ведут борьбу работники музея, в конце концов, они спасают бесценную рукопись.

Написана повесть в 1925 году. А за четыре года до этого в Омске вышла брошюра М. Кравцова «Что такое музей и как его устроить в деревне». Сразу же после окончания гражданской войны молодой писатель работал в Омском музее. И эта работа давала материал не только для методических брошюр, но и для детективных повестей... Но действительность была даже порой фантастичней и драматичней детектива...

К 1917 году деревянное здание музея уже не удовлетворяло его потребностей: теснота, постоянная угроза пожара, сырой подвал... После установления в Омске Советской власти Географическое общество возбуждает ходатайство о передаче музею бывшего дворца генерал-губернатора. Народная власть удовлетворяет эту просьбу, и в 1918 году музей начинает переселяться. Но тут в Омске развернулись бурные события: белочешский мятеж, эсеровская директория, временное сибирское «правительство» и, наконец, диктатура Колчака... Сначала у музея отобрали новое здание, заставили вывезти оттуда экспонаты. Затем потянулись месяцы, во время которых, по словам профессора В. Ф. Семенова, «стоило больших усилий избавиться от реквизиций и спасти музей и библиотеку от разорения». В эти месяцы из музейной библиотеки было принудительно взято много ценных книг и карт; вертелась вокруг музея и «краеведы» с иностранными паспортами в кармане; штаб французской миссии очень интересовался литературой об Оби и Енисее: у этих господ, как видно, были далеко идущие планы «освоения» нашего края.

В 1919 году умер от тифа председатель Географического общества А. Н. Седельников...

Начало см. в «Омской правде» за 12 марта.

Когда до падения столицы «верховного правителя» оставались считанные дни, колчаковские власти приказывают: везти музей вместе с отступающими войсками. Но омские географы и, в частности, хранители музея Н. Н. Козьмин, П. Ю. Арид, А. А. Пахотин ведут себя, как мужественные люди, как настоящие ученые и патриоты. Несколько лет спустя В. Ф. Семенов, сменивший Седельникова, напишет: «Общее собрание на ноябрьский приказ об эвакуации музея и библиотеки Отдела на восток ответило отказом и постановлением — убрать на переходный период ценные коллекции в подвальные помещения».

Так было спасено бесценное народное достояние.

Нелегким было второе рождение Омского музея.

Город, только что вновь ставший советским, изнемогал от тифа и недоодеяния, от холода и жилищной кризиса. Он был переполнен беженцами из голодающего Поволжья, беспризорными. В такой обстановке музей не выжил бы без помощи государства. Не хватало средств на его содержание, некому было хранить фонды, порой рядом с ценностями оказывались люди, весьма похожие на охотника за ассирийской рукописью. И было принято единственно верное решение: передать музей и библиотеку из Географического общества в музейную сеть Народного Комиссариата просвещения. Вскоре было получено и новое здание — то самое, что было обещано до гражданской войны.

Устраиваться на новом месте помогал весь город. Директор музея Ф. В. Мелехин вспоминал об этом так:

«Для того только, чтобы вычистить двор и задний сад, потребовалось провести 23 субботника, в которых участвовали все воинские части, военные школы, школа милиции, техникумы, студенчество коммунистического университета, рабфака, мед- и ветеринартов и др., причем целый ряд воинских частей и организаций участвовал в работе с целыми обозами лошадей. Без сочувствия широкой общественности

этого проделать было бы нельзя».

И еще Мелехин писал:

«Перевозка, а вернее переноска музея была произведена в два дня, благодаря участию студенчества, с которым к тому времени у музея существовала довольно тесная связь... Студенчество всех омских вузов и рабфака разбито на десятки, которые под наблюдением и руководством сотрудников музея в полном порядке перенесли музей на руках, абсолютно ничего не попортив и не напугав».

И сразу же началась работа с новым, советским посетителем — рабочим, красноармейцем, крестьянином... А он, как говорится, валил валом — в 1924 году посетителей было около 54 тысяч (вспомним: за все предреволюционные сорок лет — 34 тысячи). Летом 1925 года при музее организуется летнее общежитие для экскурсантов из села. Создана абонементная система. Члены профсоюза, крестьяне, красноармейцы и учащиеся, один раз купив ~~конкретно~~ абонементную карточку, могут весь год посещать музей бесплатно. Статистика 1926—27 годов показывает: увеличилось не только количество, но и «качество» посещений, так как «каждый абонент в среднем посетил музей в течение года около пяти раз».

А вот названия некоторых выставок тех лет: «Промышленно-экономическая выставка Омского округа», «Выставка казахского быта», «Быт и работа Красной Армии». Они были массовыми не только по числу посетителей, но и по числу людей, занятых в их подготовке. В первой принимали участие 47 государственных организаций и учреждений, вторую помогало готовить население нескольких аулов, третьей были привлечены все части гарнизона.

Омск по праву гордится своим музеем — образительных искусств. Левитан и Куинджи, Репин и Кустодиев, Айвазовский и Юон, Верещагин и Рерих — такой коллекцией подлинников может похвастать далеко не каждый областной центр. Еще в 1929 году Сибирская Советская Энциклопедия писала: «Омск хранит у себя

большие художественные ценности. Многие художники представлены наилучшими их произведениями. Это единственное в Сибири собрание, не имеющее пробелов...».

До 1940 года музей изобразительных искусств был не самостоятельной организацией, а отделом при музее краеведческом. И мы, любящая сегодня полотнами Крамского или Поллонова, должны с благодарностью вспоминать людей, благодаря заботам и энергии которых эти шедевры попали в наш город. Тогда, в начале двадцатых, никто не вменял в обязанность молодому коллективу музея организовывать еще и художественную галерею. Но Ф. В. Мелехин, узнав в 1924 году, что в Москве скопилось значительное количество национализированных у частных лиц ценностей и что ценностями этими пополняются государственные собрания, сам загорелся этой мыслью. Он ездил в столицу, писал письма, просил, убеждал. Помогали Омский окрисполком и Западно-Сибирский крайисполком.

21 декабря 1924 года галерея была открыта. И то, чем еще недавно любовались лишь единицы богачей, стало достоянием широкого сибирского зрителя.

Вскоре в галерее был особо выделен сибирский отдел. В числе первых ему подарили свои произведения омские художники И. Волков, В. Уфимцев, А. Сорокин.

Шли годы. Музей налаживал контакты не только с общественностью и художниками, но и с учеными Омска, вел научную работу, организовывал экспедиции, воспитывал молодых краеведов. И все пополнял и пополнял свои коллекции.

В 1928 году проверяющий из Москвы — крупный специалист музейного строительства — написал на официальном отчете музея совсем не официальные слова:

«Проделана с любовью и знанием дела гигантская работа. Как Феникс из пепла воскрес музей...».

А. ЛЕЙФЕР.

3. В СОРОКОВЫЕ ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

Вот две небольшие книжки — А. Ф. Палашенков «Основание Омска»; профессор П. Л. Драверт «Метеориты, наблюдения над их падением и их поиски». На обеих стоит гриф: «Омский областной краеведческий музей». Не было бы ничего необычного в том, что музей издал эти книжки — ведь он и призван распространять знания... Но обратите внимание на дату издания: 1944 год.

Омский краеведческий работал всю войну. Сам этот факт знаменателен. На западе, под Москвой и Ленинградом, на волжских берегах в крови и грохоте решаются судьба страны, судьбы миллионов людей, а здесь — строгая музейная тишина, стенды, экспонаты... Значит, сильно и непобедима Советская держава, если в тяжелейшее время она находит возможность заботиться о сохранении свидетельств своей истории. Только за три военных года музей посетили 300 тысяч человек.

Вот номер «Омской правды» от 14 ноября 1941 года. Передовая статья «Борьба за хлеб — борьба за разгром врага». Подборка сообщений «От Советского информбюро»: «За 11 ноября нашей авиацией уничтожено и выведено из строя 50 немецких танков, 200 автомашин с пехотой и военными грузами, 5 тяжелых орудий...». И рядом — заметка «В областном краеведческом музее»:

«В областном краеведческом музее вновь открыта выставка «Великая Отечественная война советского народа». Первый раздел выставки посвящен героическому военному прошлому русского народа, второй — теме «Красная Армия на защите завоеваний Октября», третий — «Красная Армия — грозный и непобедимый страж страны социализма». Четвертый раздел посвящен Великой Отечественной войне».

Донные хранятся в музее общая тетрадь, на обложке которой написано: «Тетрадь для записи дневных работ ст. научного работника А. Ф. Палашенкова». Палашенков, сотрудник, а с 1943 года директор музея, скрупулезно вел эти записи для себя. Но даты на обложке опять же делают скромную тетрадку одним из неповторимых человеческих документов времени: «1941—1943».

Вот содержание некоторых записей.

1941 год: «26 июня состоялось собрание научных работников музея по вопросу организации выставки «Великая Отечественная война советского народа». 22 июля — выставка открыта. 13 сентября — выставка перенесена в помещение драматического театра».

Запись от 3 мая 1942 года: «После того, как в музей поступили трофеи, взятые на Ленинградском фронте, в музей стал большой наплыв посетителей». (В иные дни на выставку приходило до трех тысяч человек — А. Л.).

Более поздняя запись: «Тов. Косенко Аполлинария Ив. (жена погибшего под Ленинградом полковника) подала заявление о принятии ее сотрудником музея по сбору материалов о Великой Отечественной войне. Работать тов. Косенко соглашается без оплаты содержания».

Надо ли комментировать такое?..

История порой грозна и поэтична одновременно. В

XIII веке Александр Невский сказал знаменитые слова: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». В том же веке его сын Дмитрий разгромил ливонских рыцарей и как символ победы вывез из Дерпта в Новгород знаменитые Сигтунские ворота, весящие более тонны. Захватив в 1941 году Новгород, гитлеровцы жадно искали эту реликвию, но они напрасно тратили время: ворота были эвакуированы к нам в Омск и стояли во дворе музея под специально построенным навесом. Сейчас этим шедевром древнего искусства вновь любуются тысячи посетителей новгородской Софии...

Омский музей принял у себя и бережно сохранил не только новгородские сокровища. В военные годы здесь были сосредоточены коллекции Государственного Исторического, Вологодского и Воронежского музеев. Второй этаж главного музейного корпуса занял эвакуированный в Омск Второй московский медицинский институт. (Здесь работал профессор Б. С. Вейсброд — известный хирург, один из организаторов советской медицины, врач, лечивший В. И. Ленина. Он скончался в Омске, и много лет спустя именно А. Ф. Палашенков взял на себя заботу об охране могилы этого выдающегося человека).

Но, несмотря на стесненность, музей продолжал работать. И отклики этой самоотверженной работы доходили до людей, оружием защищавших нашу историю и наш завтрашний день. Вспоминает С. И. Веремей, бывший фронтовик, подполковник в отставке:

— Драверт писал мне на фронт в 1942 году. Это был, как известно, самый тяжелый год войны... Были люди, у которых опускались руки... Поэтому меня и моих товарищей так радовали письма из Омска, из глубокого тыла, от очень мирного человека — профессора Драверта. В этих письмах он не «воодушевлял» нас, не подбадривал. Он просил, даже настаивал, чтобы я и мои однополчане... собирали экспонаты для Омского краеведческого музея, где Петр Людвигович тогда работал. Экспонаты, которые будут рассказывать о пути к победе. Нам, находившимся тогда в самом пекле, признаться, казались немного странными эти настоятельные просьбы собирать «объемные экспонаты» (он требовал именно объемных как более ценных, более наглядных по сравнению, например, с графическими). Но потом до меня дошел глубокий смысл этой просьбы. У нас был обычай — читать письма вслух. Читали таким образом и письма Драверта. Бойцы их даже ждали, часто спрашивали: «Ну, как там, профессор не пишет? Больше метеоритов не нашел?..».

(Кстати сказать, С. И. Веремей после войны передал в музей большую коллекцию экспонатов).

И вновь перед нами брошюра, датированная военным 1943-м годом. Она называется «Собирайте материалы о Великой Отечественной войне советского народа».

«На нас — современниках и участниках Великой Отечественной войны, — читаем на первой странице, — лежит долг — возможно полно запечатлеть ее и ее участников, сохранить для грядущих поколений все, что будет будить воспоминания о знаменательных днях и славных героях

освободительной войны. Омский областной краеведческий музей обращается ко всем трудящимся области с просьбой оказать всемерное содействие в сборе материалов, отражающих невиданную в истории человечества борьбу советского народа за Родину, за свободу».

И материалы поступали. Их привозили делегации с фронтов. Их передавали родственники погибших омичей. Около 500 писем фронтовиков, личные вещи генерала Гуртьева, 400 записей фольклора военного времени, фотографии проводов у военкоматов,

Враг хотел уничтожить не только нашу государственность, но и нашу культуру. А музей отмечает различные юбилейные даты, ведет учет исторических памятников — то есть делает обычную, текущую мирную работу. Судя по записям Палашенкова, он то идет к строителям, раскопавшим на улице Потанина кости, похожие на кости мамонта, то вместе с секретарем Кировского райкома партии осматривает места, связанные с Куломзинским восстанием... И вряд ли сотрудники музея думали, что они совершают что-то выдающееся, героическое. Они просто делали свое обычное дело. Но именно в этой обычности видится нам сегодня одна из черт высокого пафоса того не легкого времени — пафоса страны, уважающей свое прошлое и уверенной в своем будущем.

А. ЛЕЙФЕР.

4. КОЛЛЕКЦИИ, КОЛЛЕКЦИИ

РЕШЬ сегодня пойдет о том, что составляет саму основу — об его коллекциях.

«Коллекция» — слово латинское. Владимир Даль толкует его так: «Собрание вещей однородных и чем-либо замечательных вещей, предметов».

Итак — собранные вместе. В 1911 году молодой ученый, впоследствии — сотрудник Омского музея Иннокентий Цдухов отправился в низовья Оби — в свою первую самостоятельную экспедицию. Экспедицией в жизни этого замечательного, до сих пор не до конца оцененного исследователя было потом еще много. Напомним лишь еще об его поездках в Крутинский район в 1926—28 годах.

Для дореволюционной администрации Сургута, Тары, Тюмалинска, Ялуторовска Омска Сергей Порфирьевич Шецов был подозрительным человеком, политическим ссыльным. А для музея — ученым, действительным членом Географического общества. Вместе со своей женой Марией Васильевной он ездил по Северному Алтаю и собранные там материалы привозил в Омск.

Наш земляк — талантливый, замеченный самим Горьким писатель Александр Новоселов был еще и ученым, путешественником.

Эти люди собирали и пополняли сегодняшнюю гордость музея — его этнографическую коллекцию. Она самая старая, по сути дела, ей

столько же лет, сколько самому музею — ведь в первых списках пожертвований уже есть этнографические материалы.

Собранные вместе, эти предметы — одежда, утварь, орудия труда, украшения — рассказывают о том, как жили алтайские племена или чем был характерен быт русских старожилов нашей области. Мы сможем, например, увидеть старинные русские наряды, сохранившиеся в сибирских староверческих деревнях гораздо дольше и первозданней, чем в средней полосе России.

Во что одевались, из чего ели, чем работали наши земляки много лет тому назад — разве не интересно это? Но этнографическая коллекция Омского музея существует, конечно же, не только для нашего непрофессионального, если можно так выразиться, любопытства. Ею всерьез интересуются ученые. С ней, например, работает сейчас историк из Омского университета В. Б. Богомолов, он помогает сотрудникам музея провести паспортизацию всех экспонатов. В результате будет составлен каталог коллекции, который введет ее в широкий научный оборот. Мы же увидим часть ее довольно скоро — в юбилейной экспозиции, посвященной столетию Омского краеведческого музея.

ОСВОЕ место, — говорит главный хранитель фондов музея Татьяна Михайловна Назарцева, — занимает и другая коллекция — собрание личных архивов.

Что такое личный архив? Он есть у каждого из нас — старые письма, копии много раз писавшихся автобиографий, различные удостоверения, фото, справки — да мало ли бумаг накапливается вокруг нас с годами... Мы порой небрежно к ним иной раз или раздражают нас своим обилием и кажущейся ненужностью.

Но вот личный архив артиста Петра Некрасова. Это не просто бумаги и старые фотографии, это в какой-то степени — история Омского драмтеатра, где долгие годы он проработал.

Архивы старого учителя И. И. Предита и первого ректора пединститута А. С. Сливко — частичка истории народного образования в Сибири. Личные бумаги К. Д. Никифорова, бывшего директора госплемзавода «Северо-Любнинский», расскажут о развитии сельского хозяйства нашей области, а архив Елены Калугиной — об истории прославленного Омского хора.

Бумаги старых большевиков П. П. Зутиса и И. В. Фотисва, врача М. С. Рабиновича, передовиков Омской ков-

ровой фабрики, архивы композитора Виссарiona 'Шебалина, первой омской женщины-трактористки А. Ф. Киришиной, художника Ивана Шульгина... Какая неоценимая услуга оказана грядущим поколениям — оказана и тем, кто хранит эти личные архивные фонды, и тем, кто передает их сюда, в музей! И степень ее ценности будет возрастать с каждым годом, с каждым десятилетием.

ХОРОШЕЕТ наш город, молодеет, строится. Старое уступает новому: такова жизнь. Сносят старые дома, иной раз — целые улицы. А каким был Омск, предположим, в конце прошлого века — ведь фотография тогда уже была изобретена, а следовательно, старинные снимки города в принципе могут существовать? И они в самом деле есть: в музее богатая коллекция открыток с видами Омска. Их более сотни. И, рассматривая их, лучше начинаешь понимать день сегодняшний.

Новое и старое. У этих понятия есть один секрет, одна тайна и одна прелесть — способность к взаимопропониновению. То, что обычно и привычно сегодня, может стать реликвией завтра. Не для музейных витрин делали наши предки оружие, с ним они охотились, осваивали Сибирь. А нынче оно в музее, и, глядя на него, мы еще луч-

ше, наглядней понимаем, как нелегко проходило это освоение.

Недавно в музее были гости из Запорожья — с завода, который в нелегкий военный год переехал в Сибирь и теперь его делами гордится наш город, — моторостроительного завода имени Баранова. Гости не были историками. Их, инженеров, интересовали технические подробности того, как эвакуированный завод смог быстро встать в строй и дать первую продукцию. Возможно, какие-то из технических приемов той ударной, беззаветной работы могут пригодиться и сейчас, в мирное время? Разве это не взаимопрониновение нового и старого?..

ПОМНИТЕ, разговор наш сегодня начался с цитаты из словаря Даля. Прочтите ее еще раз. Коллекция — не просто однородные предметы и вещи, собранные вместе, про них сказано еще: «чем-либо замечательные».

Старый, расшитый сарафан и потемневшая монета, технический документ, датированный второй половиной 19-11-го года, и афиша довоенного спектакля — все это вещи замечательные. Замечательные тем, что доносят до нас неповторимый, волнующий аромат навсегда ушедшего времени.

А. ЛЕИФЕР.

5. СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Вот текст «Свидетельства», которое выдается в музейных залах нашим мальчишкам и девчонкам:

«У тебя сегодня торжественный день. Ты стал пионером. Красный галстук тебе повязали в Омском областном краеведческом музее, где каждый предмет, документ, фотография говорят о героизме и мужестве сибиряков, о достижениях в освоении богатств Сибири, о великой их любви к своей земле.

Будь похожим на них в делах и любви к своей Родине...».

Можно быть уверенным — доброе семя заронят в юную душу эти слова.

Прием в пионеры — это лишь одна из форм массовой работы современного музея. Здесь проходят встречи поколений, торжественное вручение комсомольских билетов, паспортов.

Главным была и остается работа с посетителем — и в самом музее, и вне его стен. Цифры 1977 года: в музее побывало 146 тысяч человек, было проведено 1.400 экскурсий. Музей областной, и село

— забота особая. Ежегодно в двадцати районах области устраиваются передвижные выставки, читаются лекции. У музея два официальных филиала — в Большеречье и Таре. И еще — народные музеи в районных центрах и крупных селах, заводские музеи, комнаты и уголки боевой и трудовой славы в профессионально-технических училищах, в школах... И всем надо оказать помощь, ведь музей — это еще и методический центр.

И, разумеется, есть работа, которую не видят посетители. В последнее время за очень короткий срок (за год!) научными сотрудниками собрано более четырех тысяч экспонатов, отражающих жизнь нашего края в советское время. Эти экспонаты составили первую часть новой экспозиции, рассказывающую о развитии области с 1917 по 1945 год. Вторая часть экспозиции покажет послевоенные годы и наше время.

Надо проводить научно-исследовательскую работу, обрабатывать собранное, готовить новые лекции, постоянно следить за сохранностью фондов. Приведем лишь один пункт из обширного музейного плана работы на 1978 год.

«Фондохранение: 1) провести профилактику отделов ткани, мехов; 2) разместить на стеллажах графику; 3) провести профилактику керамики и мелкой пластики; 4) улучшить условия хранения плакатов». Помните слова из брошюры, изданной в далеком 1943 году, — «сохранить для грядущих поколений»? Они и сейчас как девиз. Девиз и обширных планов на будущее, и вот такой ежедневной, будничной работы...

— Среди музейных работников всегда было много энтузиастов, — говорит директор Омского краеведческого В. И. Щетков. Ветеран музея — библиотекарь Нина Митрофановна Столповская поступила в Омский краеведческий в... 1931 году. 13 лет в музее Лилия Сергеевна Худякова, заведующая отделом истории досоветского периода. Это опытный, досконально знающий свое дело человек. Только одним выставкам его было подготовлено за эти годы более двадцати пяти. Вот наш ведущий отдел — отдел истории советского периода, из четырех его работников трое — историки с университетскими дипломами, все хорошо знают музейное дело. И тому, что за короткий срок

посетители получили новую экспозицию 1917—1945 годов, мы обязаны их знаниям и энтузиазму. Прежде всего это относится к опытнейшему музейному работнику Альбине Павловне Раковой и к ее помощнице Альбине Федоровне Разуваевой. На глазах преобразуются, упорядочиваются наши фонды. Это заслуга главного хранителя Татьяны Михайловны Назардовой и научного сотрудника Татьяны Викторовны Раскевич — людей, которые трудятся не просто добросовестно, но с подлинной влюбленностью в дело.

Таков сегодняшний день музея.

А каким будет день завтрашний? Об этом рассказывает Анатолий Еврасович Бачерников — старший прораб СМУ-1 первого строительного треста. Он руководит сейчас строительством нового здания музея.

А. Е. Бачерников разворачивает на столе своего прорабского вагончика чертежи.

— Это индивидуальный проект, — начинает пояснять он, — разработанный институтом «Омгражданпроект». Проект сложный, трудоемкий, требующий от нас, строителей, большой квалификации.

Здание будет двухэтажным (плюс подвальный, «технический» этаж). Кроме четырех выставочных залов, предусмотрены обширные хранилища фондов, библиотека с читальным залом и книгохранилищем, лекционный зал, помещения для работы научных сотрудников. Экспозиционная площадь — 1.000 квадратных метров, общая — 3.400. Авторы проекта планировали мощную систему вентиляции и кондиционирования воздуха, которая необходима для поддержания нужного температурно-влажностного режима. Запланировано отделать интерьер нового корпуса современными материалами. А затем придут художники и займутся росписью и украшением стен.

Для музея с новосельем начнется новый этап работы. Можно себе представить, как удобно и четко будет размещено в запасниках огромное богатство — 85 тысяч экспонатов. Какие возможности откроются для посетителей научной библиотеки музея — наконец-то по всем библиотечным правилам будет храниться ее уникальный фонд — 64 тысячи книг, 66.250 единиц хранения картографического и рукописного материала, сибирские периодические издания, выходявшие с 1834 года. Какие интересные экспозиции можно будет развернуть, какие циклы лекций организовать!

Хорошо начнется второе столетие жизни Омского краеведческого.

А. ЛЕЙФЕР.